

Цуй Чжи перевел взгляд на Хэ Сюэчжэня и тихо, бережно произнес:

— Сюэчжэнь, ты все-таки пришел.

С Фань Сюэпином он никогда не говорил так ласково — и супруги Фань тут же насупились, не скрывая недовольства.

— Раз уж пригласили, как я мог не прийти? — отозвался Хэ Сюэчжэнь. — Вот наш скромный дар.

Сыту Ни послушно передал подношение стоявшему поодаль слуге клана Цуй. Считалось, что этот подарок они преподнесли вместе, однако Хэ Сюэчжэнь приготовил для виновников торжества кое-что еще. Настоящий «подарок», который должен был взорвать этот праздник изнутри — теперь все зависело от того, как поведет себя Цуй Чжи.

При виде Сыту Ни в груди Цуй Чжи шевельнулось глухое раздражение. Жалкая сорная трава, пустое место! Встреть он его на дороге — даже взгляда бы не удостоил. И за какие такие заслуги этой швали досталась невиданная честь? Быть спутником Хэ Сюэчжэня, делить с ним радости, ходить рука об руку... Мысль о том, что его обошел ничтожный червь, жгла Цуй Чжи изнутри черной завистью.

Но он прекрасно понимал: тронь он этого ничтожного Сыту хоть пальцем — Хэ Сюэчжэнь тут же бросится на защиту. Окажет поддержку, закроет собой. Осознание этого факта горчило на губах, ядом въедаясь в душу.

Вошедшие до этого даосы разом склонились перед Хэ Сюэчжэнем, почтительно приветствуя его как младшего дядю.

Хэ Сюэчжэнь лишь нахмурился:

— Младший дядя прислал? Взрослый ведь человек, а все так же ребячится. Возвращайтесь.

Скоро здесь прольется кровь, и Хэ Сюэчжэнь не желал втягивать в грядущую бойню даосский дворец Спокойной Мудрости. Видя, что ученики не двигаются с места, он добавил непреклонно:

— Так и передайте ему: это я вас прогнал.

Только после этого даосы покинули залу.

Они с Сыту Ни прошли вглубь главного зала. Оглядевшись, Хэ Сюэчжэнь заметил, что все приглашенные почему-то стоят. Сыту Ни же, ничуть не смутившись, радостно воскликнул:

— О, а чего это вы все стоите? А я-то боялся, что мы опоздаем и придется весь обряд на мечях парить, потому что мест не останется!

И с этими словами он бесцеремонно усадил Хэ Сюэчжэня в самый первый ряд, устроившись рядом.

Сыту Мин, чей яростный порыв так некстати прервал этот дуралей-братец, едва не лопалась от злости.

— Фань Сюэпин! Смерть тебе! — взревела она.

Еще до того как войти в залу, Хэ Сюэчжэнь тайно выпустил душу Линьюй, велев ей действовать отдельно. По расчетам, воробыный демон как раз должен был прибыть.

И точно — под потолком раздался звонкий, насмешливый голос:

— Сестрица Сыту, погоди! Желающих свести счеты с Фань Сюэпином тут побольше, чем ты думаешь. Уступи-ка мне очередь, а?

Сыту Мин даже не обернулась:

— Это еще кто? На тот свет торопишься?

Линьюй почесала призрачным крылышком макушку:

— Ну... если подумать, то технически ты права...

Сыту Мин наконец вскинула голову и увидела полупрозрачный силуэт воробыного демона, парящий над головами гостей.

— А, это ты, — узнала она покойную. Быстро сообразив, что к чему, Сыту Мин сделала знак своим людям отступить на несколько шагов: — Ладно. Твоя взяла, действуй.

У Фань Сюэпина все внутри похолодело.

"Какого черта?! Как Линьюй умудрилась вернуться? Души умерших должны быть привязаны к месту гибели, почему эта тварь шляется где вздумается?"

Холодный пот прошиб его до костей.

"Неужели... неужели она все время следовала за мной? Стала моим посмертным проклятием?"

Как бы там ни было, заставить ее замолчать нужно было немедленно. При жизни Линьюй была связана с ним контрактом раба, и он не скрывал от нее ни единого своего грязного секрета. Если эта пернатая тварь начнет болтать сейчас, его репутации, планам, всей его жизни придет конец!

Фань Сюэпин резко взмахнул рукой, посылая в парящего духа смертоносный сгусток истинной ци. Однако Сыту Мин среагировала мгновенно: перехватила удар своим заклинанием и ехидно прищурилась:

— Что, Сюэпин, рыльце в пушку? Боишься, что мертвая птичка лишнего сболтнет?

Фань Сюэпин едва не задышался от ярости. Повернувшись к Цуй Чжи, он взмолился:

— Цуй Чжи, сегодня день нашего союза! Я не хочу, чтобы эта демоническая тварь портила нам праздник. Убей ее, прошу!

Но Цуй Чжи даже не взглянул на него. Его взор был прикован исключительно к Хэ Сюэчжэню.

— Ты ведь пришел ради меня? — прямо, почти заворуженно спросил он.

Такое откровенное пренебрежение собственным суженым посреди свадебной церемонии вызвало у стоявших неподалеку учеников Школы Стремящихся к Небесам дружный хохот.

Первыми не выдержали родственники жениха. Старший дядя Фань, багровея от гнева, шагнул вперед:

— Цуй Чжи! У вас сегодня обряд великого союза! Что за непотребство ты несешь? Кем ты выставляешь Сюэпина перед всеми?!

Цуй Чжи ответил холодно, без тени раскаяния:

— Фань Сюэпину от меня нужна лишь защита. В свое время он спас мне жизнь и в качестве платы попросил заключить этот союз. Я согласился укрыть его под своим крылом. На этом — все. Наше соглашение — простая сделка, где каждый получает свое. Сегодня я пришел сюда только ради того, чтобы увидеть Хэ Сюэчжэня.

Услышав это циничное признание, Хэ Сюэчжэнь даже бровью не повел. Достопочтенный Данььюань всегда плевать хотел на приличия и чужие чувства. Какое ему дело до свадебных клятв и общественного мнения, когда он признает лишь закон силы? В прошлой жизни, когда Хэ Чуншань прислал свадебные дары, Цуй Чжи согласился на брак так же легко и равнодушно.

Ему попросту было все равно.

Дядя Фань тяжело, прерывисто задышал, хватаясь за грудь:

— Да как ты... Ты превратил священный обряд в балаган! Посмотри вокруг, над вами же все смеются! Смеются над Сюэпином, над тобой! Неужели у тебя нет ни капли гордости?!

Цуй Чжи лишь снисходительно усмехнулся:

— С какой стати меня должно волновать мнение копошащихся под ногами муравьев?

Один из учеников Школы Стремящихся к Небесам мгновенно вспыхнул:

— Ты кого сейчас муравьем назвал, ублюдок?!

Цуй Чжи медленно, вальяжно подошел к нему вплотную. В ту же секунду из его тела хлынула колоссальная, удушающая волна духовного давления.

— Тебя, — тихо обронил он.

Его тон оставался безупречно спокойным, но ученики Школы Стремящихся к Небесам мгновенно сдулись. Колени у них задрожали под тяжестью этой жуткой ауры. Они-то пришли сюда по указке старейшин — просто пошуметь да попортить Цуй Чжи кровь. Но сила, которую демонстрировал этот монстр, превосходила все разумные пределы. Он стал еще сильнее, чем во время недавней битвы, когда в одиночку раскидал семерых старейшин! Его культивация теперь вплотную приблизилась к уровню главы великого ордена. Раньше он терпел их пiski лишь потому, что слон не замечает копошения мошек. Но если мошкара становится слишком назойливой...

— Пусть сегодня и день моего союза, — вкрадчиво произнес Цуй Чжи, — но если прольется немного крови, я не расстроюсь.

Поняв намек, ученики Школы Стремящихся к Небесам без лишних слов бросились наутек.

Некоторые младшие члены семьи Сыту тоже попытались к выходу — те, чья культивация была послабее, едва держались на ногах от удушающего давления. В этот момент Фань Сюэпин, улучив секунду, снова атаковал парящую Линьюй. Сыту Мин среагировала молниеносно, заблокировав его удар, а подоспевшие супруги Фань тоже ввязались в потасовку, пытаясь урезонить племянника.

Линьюй взмыла под самый купол зала, уворачиваясь от вспышек ци, и издевательски заверещала:

— Старик Фань! Эй, старик Фань! Сколько ты еще будешь позволять этому чернотелому выродку водить тебя за нос? Даже мне, паршивой птице, тошно на это смотреть!

Дядя Фань замер, его лицо вытянулось:

— Что ты несешь?!

Линьбой сделала круг над алтарем, злобно каркая:

— А ты еще не понял? Твою семью вырезал Хэ Чуншань — это факт. Но твой драгоценный племянничек Фань Сюэпин не просто знал об этом, он сам натолкнул Хэ Чуншаня на эту мысль! Своими руками подтолкнул его к бойне!

Супруги Фань замерли как громом пораженные. Наконец тетя Фань, сорвавшись на крик, указала на дух пальцем:

— Не смей сеять смуту, демоническое отродье! Ты тварь из племени чудовищ, мы не поверим ни единому твоему слову!

— Ой ли? — издевательски фыркнула Линьбой. — Ну тогда послушайте, не ваши ли семейные секреты тут обсуждались? Узнаете голосок своего ненаглядного Сюэпина?

Дух воробья заговорил на два голоса, в точности копируя интонации Фань Сюэпина и Хэ Чуншаня:

— Отец, у тебя ведь есть законная жена и сын... Не пойду я с тобой в школу Наполненных Созвездий. Не хочу быть для тебя обузой.

— Да эта змея подколотная только шипеть горазда! Пока я рядом, тебе нечего бояться.

— Но если правда о моем происхождении выплывет наружу, тебе несдобровать...

— Я буду молчать, ты тоже. Кто узнает, что ты мой сын?

— Но мои дядя, тетя, двоюродная сестра... И слуги в доме Фань — все они прекрасно знают, кто мой настоящий отец.

— Не переживай об этом. Я сам заставлю их замолчать. Мертвецы секреты хранить умеют.

— Ох, папа, как же так... Дядя с тетей меня вырастили, нельзя так с ними!

— Глупый мой мальчик. Если хочешь достичь величия, забудь о жалости. Они сами виноваты, что оказались бесполезным мусором на твоём пути.

— Отец, прошу, не ходи туда! Мой дядя очень силен, у него есть тайное сокровище, которое можно использовать трижды. Я сам видел: стоит тебе применить древесные техники, как этот артефакт затянет тебя внутрь и растворит без следа. Ты ведь сам говорил, что в вашей школе почти все техники основаны на стихии дерева. Я так боюсь за тебя... Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, и не хочу, чтобы пострадали дядя с тетей.

— Глупыш. Твоему отцу вовсе не обязательно использовать стихию дерева, чтобы раздавить этих букашек.

Слова Линьюй прозвучали для супругов Фань как приговор. Их словно окатило ледяной водой. Такое невозможно было выдумать: о тайном артефакте, способном уничтожить мастера стихии дерева, знали единицы. Глава семейства использовал его всего дважды в жизни. Лишь однажды, когда Сюэпин был совсем маленьким, дядя применил его в присутствии мальчика. Тот засыпал его вопросами, и растроганный опекун раскрыл ребенку секрет оружия.

— Откуда... Откуда тебе это известно?! — бледнея, прохрипел дядя Фань, глядя на парящего духа.

— Да я в тот момент как раз сидела в карманном измерении, которое Хэ Чуншань подарил твоему племянничку! — весело чирикнула Линьюй. — Слышимость там была — лучше не придумаешь!

— Ложь! Все ложь! — в панике закричал Фань Сюэпин, его голос сорвался на визг. — Она все врёт! Откуда она узнала про артефакт? Это... это я сам рассказал ей гораздо позже! Просто поделился секретом!

— Ну да, конечно, — фыркнула Линьюй. — Старик Фань, я ведь открываю тебе глаза только потому, что терпеть не могу, когда честных людей держат за дураков. Твой племянник — рождённый лжец. На самом деле он люто ненавидел твои нотации, а уж как его бесила Фань Сюэфу, которая вечно лезла к нему со своими сестринскими поучениями! Он мне все уши прожужжал, проклиная вас на чём свет стоит. Понятно, что доказать я ничего не могу — мертвые свидетельств не пишут. Так что думай сам, верить мне или нет.

Но супруги Фань уже верили. Верили почти безоговорочно, потому что каждое воспроизведенное слово сквозило пугающей, узнаваемой манерой их племянника.

В том давнем разговоре Фань Сюэпин вроде бы слезно умолял отца пощадить родных. Но если бы он не завел речь о том, что дядя и тетя раскроют его тайну, Хэ Чуншаню и в голову бы не пришло вырезать весь дом! Сюэпин прикидывался заботливым сыном и племянником, но при этом мимоходом сдал отцу главную слабость дядиногo оружия — уязвимость перед любыми техниками, кроме деревянных. Кем нужно быть, чтобы провернуть такое? Если это вышло случайно, то Фань Сюэпин — непроходимый идиот. Но если это было спланировано... То под

маской кроткого юноши скрывалась настоящая ядовитая гадина!

Боль и ярость, дремавшие в душах супругов Фань со дня трагедии, вспыхнули с новой, разрушительной силой. Перед глазами тетушки снова встало окровавленное тело их дочери Фань Сюэфу, зверски убитой прямо у нее на глазах. Все сорок человек их клана погибли из-за этого волка в овечьей шкуре! Такое невозможно простить. Никогда.

Фань Сюэпин дрожал мелкой дрожью, его охватил первобытный ужас.

"Почему эта пернатая тварь даже после смерти не оставляет меня в покое?! И откуда у нее такая память?! Какие еще грехи я при ней совершил, что нужно срочно скрыть?"

Голова шла кругом.

"Нет, сейчас не до воспоминаний. Нужно заткнуть эту тварь! Нет, сначала — дядя с тетей! Если они отвернутся от меня, я потеряю все!"

Мысли лихорадочно сменяли друг друга. Фань Сюэпин упал на колени, по его щекам покатались обильные слезы. Сложив руки в умоляющем жесте, он запричитал:

— Дядя, тетя! Клянусь, я не хотел! Я сказал это без задней мысли! Когда отец пригрозил расправиться с вами, я просто испугался, растерялся и ляпнул первое, что пришло в голову, лишь бы его остановить! Я и подумать не мог, что все так обернется...

Сыту Мин, стоявшая чуть поодаль, насмешливо скрестила руки на груди:

— Да не слушайте вы этого комедианта. Он мастер лить слезы по заказу. Нас с господином Хэнью он в свое время обвел вокруг пальца так ловко, что мы чуть было не прирезали невинного.

Рыдая навзрыд, Фань Сюэпин подполз ближе и попытался ухватиться за подол теткиного платья. Однако тетушка Фань с омерзением отшатнулась, с силой вырвав ногу:

— Убирайся! Не смей прикасаться ко мне! Фань Сюэпин... за что ты так с нами?! Что наш клан сделал тебе плохого?! Чем мы заслужили эту кару?!

Племянник лишь иступленно мотал головой, захлебываясь рыданиями:

— Я не хотел... Дядя, тетя, видит небо, это было случайно!

Линьуй, издав напоследок довольный, торжествующий клекот, взмахнула крыльями и

растаяла в воздухе.

Тетушка Фань, содрогаясь от безмолвных рыданий при воспоминании о замученной дочери, закрыла лицо руками. Дядя Фань, чье лицо превратилось в каменную маску, медленно вытащил меч. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости:

— Фань Сюэпин. Даже если допустить, что ты совершил это по глупости... сорок с лишним жизней наших сородичей и твоя названная сестра Фань Сюэфу мертвы по твоей вине. Если в тебе осталась хоть капля совести и раскаяния — лиши себя жизни сам. Прямо здесь, у меня на глазах!

<http://bllate.org/book/18268/1750908>